

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

А.А. Дорская

**Кризис в праве как одна
из причин революций 1917 г.**

В статье рассматриваются различные подходы как ученых начала XX века, так и современных юристов к вопросу о наличии кризиса в праве накануне 1917 г. На конкретных примерах показаны попытки решения правительством наиболее острых проблем правовыми мерами. Раскрываются причины исполнительного кризиса начала прошлого века.

Ключевые слова: кризис; революция; правовая система; Первая мировая война; реформа; социальное законодательство; вероисповедное законодательство.

На современном этапе в силу целого ряда причин происходит переосмысление революционных событий в России начала XX века. Во-первых, это, конечно, связано со столетием Февральской и Октябрьской революций, которое отмечается в этом году. Во-вторых, проводимые в последние 25 лет в Российской Федерации реформы требуют прогнозирования как возможных результатов, так и их долгосрочных последствий. На современном этапе очень многие исследователи связывают Первую российскую революцию и революционные события 1917 г. с буржуазными реформами Александра II. К примеру, А.Н. Медушевский описывает традиционную схему, широко представленную в научной литературе, следующим образом: «Реформа 1861 г. породила аграрный вопрос, он в свою очередь — революцию 1905–1907 гг., а та стала репетицией революции 1917 г.» [9: с. 15]. Таким образом, темы реформ и революций неразрывно связаны. В-третьих, несмотря на огромное количество исследований историков, юристов, политологов, социологов, философов, до сих пор нет более-менее четкого ответа на вопрос, почему временные и локальные кризисы при одних обстоятельствах перерастают в большие, вплоть до революций, а при других — благополучно разрешаются [10: с. 35].

Рассуждая о событиях столетней давности, нельзя обойти проблему оценки состояния правовой системы Российской империи, так как правовые «законы» не сработали. Можно ли считать, что одной из причин революций

1917 г. был кризис в праве? Как сочетается то, что период конца XIX – начала XX века назван «“золотым веком” отечественной теоретико-правовой и философско-правовой науки» [13: с. 54], и при этом в скором времени произошло крушение российской государственности, в ее имперской форме, и правовой системы дореволюционной России?

Необходимо отметить, что еще накануне Первой российской революции правительство осознавало значение правового фактора в разрядке напряженности в обществе. Достаточно вспомнить, что 12 декабря 1904 г. был опубликован Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», целью которого являлась демонстрация обществу готовности власти юридическими средствами решить такие насущности вопросы, как принятие мер к охранению полной силы закона (п. 1), предоставление земским и городским учреждениям большей самостоятельности в вопросах местного благоустройства (п. 2), единство в устройстве судебной части (п. 3), введение государственного страхования рабочих (п. 4), пересмотр исключительных законоположений (п. 5), пересмотр узаконений о правах раскольников и лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, принятие в административном порядке мер к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения (п. 6), пересмотр постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи (п. 7), устранение излишних стеснений для печати (п. 8) [7: с. 5].

Тогда было образовано Особое совещание Комитета министров во главе с С.Ю. Витте, которое вплоть до Кровавого воскресенья успело провести пять заседаний, т. е. достаточно много за неполный месяц.

Однако многие современники, причем из числа выдающихся юристов, негативно оценивали происходящее. О кризисе права в России открыто говорили либерально-настроенные ученые. Так, В.В. Вострикова, характеризуя взгляды Б.А. Кистяковского, отмечает, что, «по мнению либералов, произвольное отступление от норм действующего права было чревато утратой правом авторитета, что, в свою очередь, могло самым негативным образом отразиться на выполнении правом функции регулятора общественной жизни... Укорененность правового нигилизма в общественном сознании позволила либералам говорить о кризисе правосознания в России. Глубинной причиной последнего мыслители считали отсутствие “какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни”» [2: с. 113].

Не были согласны специалисты и со многими конкретными правовыми мерами, проводимыми правительством. В частности, лучшие российские правоведы считали губительными либеральные заигрывания в условиях распространявшегося террора. «К примеру, Николай II, — пишет И.В. Турицын, — очень не хотел утверждать смертный приговор убийце Д.С. Сипягина С.В. Балмашову, а потому МВД долго носилось с идеей «помилования» на основании прощения, которое должен был подать террорист. Уговаривать последнего ездил даже

товарищ (заместитель) министра внутренних дел П.Н. Дурново. Тем не менее в связи с категорическим отказом террориста казнь — впервые после повешения организаторов покушения 1887 г. на Александра III — все же состоялась. До революции 1905 г. это был один из редчайших случаев смертной казни» [17: с. 17]. Несмотря на то, что такие выдающиеся юристы, как Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич и другие, призывали власти гибко относиться к системе наказаний и в условиях сначала учащающихся террористических актов, а потом и роста насилия в революционный период ужесточать уголовную ответственность, как показывают статистические данные, на деле все происходило наоборот. Так, Е.Н. Тарновским было подсчитано, что в 1899 г. в России было осуждено за уголовные преступления и проступки 964 746 чел., в 1900 г. — 1 006 601 чел., в 1901 г. — 1 068 414 чел., в 1902 г. — 1 070 394 чел., в 1903 г. — 1 047 534 чел., в 1904 г. — 917 175 чел., в 1905 г. — 839 868 чел., в 1906 г. — 818 254 чел., в 1907 г. — 936 575 чел., в 1908 г. — 1 109 256 чел. [16: с. 57]. Таким образом, в годы Первой российской революции количество осужденных было даже ниже, чем в предреволюционный период и в первый год после революции.

Безусловно, что кризисные явления в праве начала XX века проявлялись и в том, что не стали действующими многие нормативно-правовые акты, которые разрабатывались десятилетия и содержали новые юридические решения насущных вопросов. Так, в 1882 г. была создана комиссия и началась работа над проектом Гражданского уложения. Именно в 1905 г., в разгар революции, была опубликована окончательная редакция всех пяти книг проекта, однако он так и не был претворен в жизнь из-за традиционной нерешенности земельного вопроса. Именно это позволило в октябре 1917 г. большевикам, которые воспользовались абстрактным эсеровским лозунгом «Земля — крестьянам», получить значительное число сторонников среди крестьянского населения.

Печальной была и судьба Уголовного уложения 1903 г. [18]. Еще 30 апреля 1881 г. был учрежден Особый комитет «из лиц, близко знакомых с теорией уголовного права и судебною практикою» [4: с. 97]. Несмотря на то, что над разработкой уложения трудились такие выдающиеся специалисты в области уголовного права, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов и другие, в течение восьми лет готовый проект Уложения лежал без подписи императора. Затем 22 марта 1903 г. Николай II утвердил его с пометкой, что в силу вступаю-ют лишь главы о государственных преступлениях (преступления против государства, посягающие на основы его бытия, государственные законы, внешнюю безопасность, порядок управления [15: с. 183]). Введение в действие главы о религиозных преступлениях 14 марта 1906 г., по существу, вопрос так и не решило. Большая часть Уголовного уложения так и не стала действующей.

Учреждение в России двухпалатного парламента способствовало некоторому преодолению кризисных явлений в правовой сфере. Коллективное обсуждение проектов законов, безусловно, способствовало повышению их качества [14: с. 2]. Но вскоре стало понятно, что Государственная дума и Государственный совет в целом не могут противостоять общей тенденции.

Рассмотреть процесс роста кризиса в праве можно на примере законотворческой работы по вопросу о реализации в России свободы совести.

В период между роспуском Государственной думы I созыва и началом работы II Государственной думы правительство П.А. Столыпина разработало целый пакет законопроектов о свободе совести. В.А. Маклаков, представлявший партию кадетов и являвшийся, таким образом, правительственным оппонентом, позже отмечал, что восемь месяцев, которые были П.А. Столыпину «даны роспуском Думы, потеряны не были» [8: с. 28]. Действительно внушительный объем работы, который проделало правительство, внушал уважение. Позже оказалось, что вплоть до 1917 г. Государственная дума не смогла рассмотреть все законопроекты, которые были подготовлены в первый междумский период.

В связи с недолгим существованием II Государственной думы правительственный материал рассмотрен не был. Законопроекты правительства П.А. Столыпина перешли в повестку дня Государственной думы III созыва.

В первые годы работы III Государственной думы сначала шла борьба за создание комиссий для рассмотрения правительственных законопроектов. 22 ноября 1907 г. фракцией октябристов за 31-й подписью было подано заявление об избрании комиссий по вероисповедным и церковным вопросам, в состав каждой из которых предполагалось включить по 33 человека. Старообрядческий вопрос было предложено рассмотреть во второй комиссии [3: с. 587–589]. Однако уже через неделю 32 члена Думы подали новое заявление, в котором обосновывали необходимость учреждения отдельной комиссии по старообрядческим делам в составе 15 человек [3: с. 727].

В результате были созданы комиссия по вероисповедным вопросам, комиссия по делам православной церкви и комиссия по старообрядческим вопросам. Они в буквальном смысле «сражались» друг с другом, чтобы получить тот или иной законопроект о свободе совести на рассмотрение. Как отмечал член всех трех комиссий В.А. Караулов, все очень рьяно принялись за дело, но это уже не имело особого смысла, так как правительство было занято аграрным вопросом и не собиралось отстаивать принципы собственных вероисповедных законопроектов [14]. Естественно, что это негативно сказалось как на настроении, так и на результатах работы членов комиссий.

Опыт комиссий, занимавшихся законопроектами о свободе совести, действительно оказался печальным. Обсуждение докладов комиссий на общем заседании палаты проходило в мае – июне 1909 г., причем депутаты не пожалели для работы даже воскресных дней. В результате три законопроекта были приняты Государственной думой и поступили на рассмотрение Государственного совета. Началась работа специальных комиссий Государственного совета, а затем согласительных комиссий, которая заняла оставшуюся часть 1909 г. и 1910 г.

Это не могло не отразиться на деятельности комиссий Государственной думы. Члены комиссий хотели сначала узнать судьбу принятых Думой законопроектов и только затем идти дальше. Поэтому вплоть до окончания полномочий в 1912 г. они занимались в основном второстепенными вопросами, не вынося их

на обсуждение палаты. В 1912 г. член партии октябристов А. Еропкин писал, что «стало ясно, что дальнейшая работа здесь бесплодна. Вот посему III Дума прекратила рассмотрение дальнейших законопроектов о свободе совести, поступивших из комиссий и внесенных правительством» [5: с. 67–68].

Эта бесполезность отразилась и на настроении депутатов Государственной думы IV созыва. Теперь вновь созданные комиссии, которые должны были заниматься вопросами о свободе совести, делали все, чтобы не получить правительственные законопроекты. Например, 15 января 1913 г. на рассмотрение комиссии по делам православной церкви был передан законопроект «О переходе из одного исповедания в другое», разработанный еще правительством П.А. Столыпина, принятый III Государственной думой и прошедший согласительную комиссию Государственной думы и Государственного совета. Неверие в решение этого вопроса привело к тому, что члены комиссии дали следующий ответ: «...переданный... законопроект по существу затрагиваемых вопросов должен подлежать рассмотрению комиссии по вероисповедным вопросам» [6: л. 3]. В результате законотворческий процесс так и не привел к решению вопроса о вероисповедной свободе и возможном признании атеистического мировоззрения.

Кризис в праве ярчайшим образом проявился в годы Первой мировой войны. Недостаточное внимание к социальному законодательству привело к тому, что даже в первые военные годы, когда еще наблюдался патриотический подъем, росло число забастовок рабочих, в большинстве своем экономического характера. «В настроениях заводских рабочих, — пишет К.В. Федоров, — находило отражение и отсутствие социальной защиты. Например, фабричным инспекторам поступали жалобы на нерегулярные выплаты компенсаций за несчастные случаи на производстве. Также рабочие были недовольны замедленным рассмотрением жалоб, несвоевременным их исполнением, некачественным медицинским обслуживанием. Часто недовольство рабочих было вызвано добровольным характером уплаты компенсаций рабочим за увечья. Кроме этого, рабочие подавали жалобы в связи с неправильным, заниженным расчетом суточных выплат и выполнением работ, не предусмотренных договорами» [19: с. 102]. Но самое страшное, что непродуманные меры социального характера ударяли по женщинам и детям, которые, с одной стороны, в условиях военного времени вынуждены были работать, а с другой — оставались законодательно мало защищенными. Это сильно влияло и на настроения фронтовиков, получавших из дома неутешительные письма.

Не слишком удачными были меры, направленные на решение внешнеторговых проблем. Как отмечает Е.А. Агеева, «в довоенной России действовал Таможенный тариф по европейской торговле 1906 года, согласно которому доля взимаемых Россией пошлин с суммы ввозимых товаров значительно превышала аналогичный показатель в других странах: в 1906–1910 гг. Великобритания взимала 6,1 %, Австро-Венгрия — 7,3 %, Германия — 7,8 %, Франция — 8 %, Италия — 10 %, США — 22,3 %, Россия — 30,5 %. Протекционизм, как мера внешнеторгового регулирования в период войны, “не работал”: торговля

с враждебными и многими нейтральными странами прекратилась, а с союзными, например с Францией и Италией, Россия имела торговые соглашения конвенционного характера, что предполагало существование льгот и преимуществ между договаривающимися сторонами» [1: с. 65]. В результате власти попытались решить проблему законодательными мерами. 20 октября 1916 г. был принят закон «О воспрещении привоза в Империю предметов роскоши» [11]. Его вступление в силу 1 февраля 1917 г. вызывало опасения в силу возможных негативных последствий, так как это могло вызвать ответные меры союзников. Правда, февральские революционные события прервали данный процесс.

Таким образом, можно говорить об определенном кризисе правовой системы Российской империи, созревшем в стране к 1917 г. Часть законов не работала, законотворческий процесс часто не приводил к предполагаемому результату, отсутствовала продуманная правовая политика (часть правовых мер была в буквальном смысле «вырвана» у правительства в период Первой российской революции, но затем власти поспешили от них отказаться, не были в полной мере использованы юридические средства накануне и в период Первой мировой войны). Кризис в правовой сфере способствовал развитию деструктивных явлений, которые остро проявились в дни революционных событий 1917 г.

Литература

1. *Агеева Е.А.* Внешнеторговая политика Российского государства и рынок роскоши в период Первой мировой войны // Человеческий капитал. 2015. № 1 (73). С. 63–68.
2. *Вострикова В.В.* Идеологи российского либерализма начала XX века о правосознании как базовом элементе правового государства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология» 2010. Т. 19. № 16. С. 110–117.
3. Государственная дума. III созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия I. СПб., 1908. Ч. I. 2141 стб.
4. *Гугасари Е.С.* Особенности квалификации преступлений террористического характера по Уголовному уложению 1903 года // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 97–100.
5. *Еропкин А.* Что делала и что сделала III Государственная дума (ответ кадетам). СПб., 1912. 84 с.
6. Журналы комиссии по делам православной церкви // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278 (IV созыв). Оп. 5. Д. 594.
7. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. 5 с.
8. *Маклаков В.А.* II Государственная дума. (Воспоминания современника). Париж, 1936. 260 с.
9. *Медушевский А.Н.* Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27.
10. *Мионов Б.Н.* Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 29–39.

11. О воспрещении привоза в Империю предметов роскоши от 20 октября 1916 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1916. № 348.

12. *Пашенцев Д.А.* Создание Государственного совета Российской империи как попытка реализации идеи разделения властей // Правозащитник. 2016. № 1. 2 с.

13. *Поцелуев Е.Л.* Обсуждение (дискурс) суверенитета в российской правовой науке в конце XIX – начале XX вв. // Государство и право. 2016. № 12. С. 54–63.

14. Речь. 1910. 17 октября.

15. *Романовская В.Б., Рогов С.Л.* Политические преступления по Уголовному уложению 1903 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 183–187.

16. *Тарновский Е.Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал министерства юстиции. 1909. № 9. Ноябрь. С. 52–99.

17. *Турицын И.В.* Власть, общество и терроризм: размышления о российской исторической традиции // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 6–35.

18. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1904. Т. 23. Ч. 1. № 22704.

19. *Федоров К.В.* К вопросу о настроениях рабочего населения западных территорий Российской империи в годы Первой мировой войны // История: факты и символы. 2016. № 2 (7). С. 100–108.

Literatura

1. *Ageeva E.A.* Vneshnetorgovaya politika Rossijskogo gosudarstva i ry'nok roskoshi v period Pervoj mirovoj vojny' // Chelovecheskij kapital. 2015. № 1 (73). S. 63–68.

2. *Vostrikova V.V.* Ideologi rossijskogo liberalizma nachala XX veka o pravosoznanii kak bazovom e'lemente pravovogo gosudarstva // Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya» 2010. T. 19. № 16. S. 110–117.

3. Gosudarstvennaya дума. III sozy'v. Stenograficheskie otchety'. 1907–1908 gg. Sessiya I. SPb., 1908. Ch. I. 2141 stb.

4. *Gugasari E.S.* Osobennosti kvalifikacii prestuplenij terroristicheskogo xaraktera po Ugolovnomu ulozheniyu 1903 goda // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. № 2. S. 97–100.

5. *Eropkin A.* Chto delala i chto sdelala III Gosudarstvennaya дума (otvet kadetam). SPb., 1912. 84 s.

6. Zhurnaly' komissii po delam pravoslavnoj cerkvi // Rossijskij gosudarstvenny'j istoricheskij arxiv (RGIA). F. 1278 (IV sozy'v). Op. 5. D. 594.

7. Imennoj Vy'sochajshij ukaz Pravitel'stvuyushhemu Senatu «O prednachertaniyax k usovershenstvovaniyu gosudarstvennogo poryadka» ot 12 dekabrya 1904 g. // Zakonodatel'ny'e akty' perexodnogo vremeni. 1904–1908 gg. SPb., 1909. 5 s.

8. *Maklakov V.A.* II Gosudarstvennaya дума. (Vospominaniya sovremennika). Parizh, 1936. 260 s.

9. *Medushevskij A.N.* Velikaya reforma i modernizaciya Rossii // Rossijskaya istoriya. 2011. № 1. S. 3–27.

10. *Mironov B.N.* Russkaya revolyuciya 1917 goda kak pobochny'j produkt modernizacii // Sociologicheskie issledovaniya. 2013. № 10. S. 29–39.

11. O vospreshhenii privoza v Imperiyu predmetov roskoshi ot 20 oktyabrya 1916 g. // *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushhem Senate*. Pg., 1916. № 348.
12. *Pashenczev D.A.* Sozdanie Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii kak popy'tka realizacii idei razdeleniya vlastej // *Pravozashhitnik*. 2016. № 1. 2 s.
13. *Poceluev E.L.* Obsuzhdenie (diskurs) suvereniteta v rossijskoj pravovoj nauke v konce XIX – nachale XX vv. // *Gosudarstvo i pravo*. 2016. № 12. S. 54–63.
14. *Rech'*. 1910. 17 oktyabrya.
15. *Romanovskaya V.B., Rogov S.L.* Politicheskie prestupleniya po Ugolovnomu ulozheniyu 1903 g. // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2007. № 3. S. 183–187.
16. *Tarnovskij E.N.* Dvizhenie prestupnosti v Rossijskoj imperii za 1899–1908 gg. // *Zhurnal ministerstva yusticii*. 1909. № 9. Noyabr'. S. 52–99.
17. *Turiczy'n I.V.* Vlast', obshhestvo i terrorizm: razmy'shleniya o rossijskoj istoricheskoj tradicii // *Sovremennaya nauchnaya my'sl'*. 2014. № 1. S. 6–35.
18. Ugolovnoe ulozhenie, vy'sochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie III. SPb.*, 1904. T. 23. Ch. 1. № 22704.
19. *Fedorov K.V.* K voprosu o nastroeniyax rabochego naseleniya zapadny'x territorij Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny' // *Istoriya: fakty' i simvol'y'*. 2016. № 2 (7). S. 100–108.

A.A. Dorskaya

The Crisis in Law as One of the Causes of the Revolutions of 1917

The article examines different approaches of both scientists of the early twentieth century and modern lawyers to the existence of a crisis in the law on the eve of 1917. The specific examples show attempts by the government to resolve the most acute problems by legal measures. The causes of the executive crisis of the beginning of the last century are revealed.

Keywords: crisis; revolution; legal system; the First World War; reform; social legislation; religious legislation.